Элитный отряд

Добро пожаловать в Тантантис!

Наталья Прохорская

Элитный отряд

Наталья Прохорская

Добро пожаловать в Тантантис!

«Автор»
2026

Прохорская Н.

Добро пожаловать в Тантантис! / Н. Прохорская — «Автор», 2026 — (Элитный отряд)

Добро пожаловать в систему Тантантис!На её бескрайних просторах обитают три разумных вида, среди которых есть и люди. Их родной мир надёжно укрыт за гигантскими кольцами газового гиганта. Часть человеческого общества составляют мутанты — те, чья ДНК была изменена ради выживания и защиты людей от внешнего врага.Но когда из глубин космоса приходит новый, неизвестный враг, несущий гибель всей системе, привычный баланс рушится. Чтобы отстоять родные рубежи, талассийцам придётся пойти на немыслимое: протянуть руку тем, кого они столетиями считали чудовищами.Смогут ли непримиримые противники объединиться и довериться друг другу, чтобы спасти свой хрупкий мир?

© Прохорская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Часть 1 9
Глава 1. Сомнительная авантюра 10
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Наталья Прохорская
Добро пожаловать в Тантантис!

Пролог

— Вы убили шесть человек одним прикосновением.

— Да, но это вышло случайно!

Мариа́на всхлипнула и прижала ладонь к губам. Если понадобится, она могла и расплакаться.

Она сидела в изолированном боксе за бронированным стеклом. Плотные защитные перчатки закрывали руки до середины предплечья. Снимать их разрешалось только в камере, когда рядом не было людей.

Но вот незадача: Мариана ведь умела воздействовать и взглядом. Вот и сейчас телепат, сидевший напротив по другую сторону стекла, смотрел ей в глаза словно заворожённый. Затем он тряхнул головой, но, похоже, не до конца избавился от наваждения.

Он поднялся.

— Вы куда? Подождите. Не оставляйте меня здесь!

— В ближайшее время к вам придёт советник или его помощник.

Телепат убрал планшет в чемодан. На неё он больше не смотрел.

— Но вы ведь видели… Вы знаете, что я не хотела!

Он торопливо направился к выходу.

— Постойте!

Мариана вскочила и упёрлась ладонями в стекло. Слёзы наконец потекли по щекам. Она не стала их вытирать.

Дверь за телепатом закрылась.

— Заключённая номер одиннадцать, вернитесь, пожалуйста, в камеру, — произнёс механический голос.

Мариана ещё несколько секунд смотрела на опустевшее кресло, потом опустила руки.

Сбоку открылась дверь. На пороге ждал Чой — приземистый робот на колёсной платформе, с угловатым корпусом и парой складных манипуляторов. Он едва доставал ей до пояса.

— Ты останешься со мной? — тихо спросила она.

— Если пожелаете.

Пока ей разрешали общаться только с ним. Уж роботу-то она точно не причинила бы вреда. Точнее, не смогла бы высосать из него жизнь. А вот разбить его о стену, вероятно, было бы нетрудно. Но тогда пришлось бы сидеть одной.

Чой проводил её в камеру и остановился возле двери. Мариана попросила рассказать последние новости. Она слушала вполуха. Гораздо больше её занимало собственное тело.

С тех пор как погибли те шестеро, она чувствовала себя превосходно. Даже непривычно хорошо. Исчезла усталость, движения стали лёгкими и точными. Под кожей словно разливалось ровное тепло — не жар, а ощущение неисчерпаемого запаса сил, которым пока не было нужды пользоваться. Хотелось проверить, на что его хватит.

Ей казалось, что при желании она сможет согнуть стальные прутья решётки, перебить всех охранников — даже тех, кого приставили к ней из элитного отряда, — и сбежать.

Однако побег она рассматривала лишь как крайнюю меру, на случай смертного приговора.

А если задуматься: как именно её попытались бы убить? Как вообще казнят целителей? Введут яд? Вряд ли: её организм с подобной ерундой точно справился бы. Подошлют боевого

телепата? Что ж, восстановилась бы она не сразу, пару месяцев наверняка пришлось бы отлёживаться, но в конце концов мозг регенерировал бы. Вот разве что выбросить в открытый космос — это уже другое дело. В ледяном вакууме она израсходовала бы весь накопленный запас жизней прежде.

Мариана представила себя за бортом, без скафандра. Как ни крути, а целители быстро не умирают. Ей пришлось бы долго мучиться, прежде чем организм исчерпал бы накопленный запас и регенерация прекратилась.

О погибших Мариана ничуть не жалела: ей было на них просто плевать. Огорчало лишь то, что из-за этой истории она оказалась за решёткой. Жизнь ведь только начиналась, всё лучшее было впереди. И тут всё пошло прахом из-за кучки придурковатых учёных, которым она раз тридцать, если не больше, повторила: без защиты к ней лучше не прикасаться. Но они, конечно же, не послушали.

А ведь всё начиналось как обычное исследование. Мариана пришла вовремя, легла на кушетку. Её тут же обступили со всех сторон, облепили датчиками, потом что-то включили, и…

А дальше будто погас свет. Она помнила лишь резкий выпад и то, как шестеро стоявших рядом учёных замертво рухнули на пол.В живых остались только трое, да и те лишь потому, что держались на расстоянии.

— Мариана, к вам посетитель, — сообщил Чой.

Она повернула голову.

— Уже? Кто?

— Помощник советника За́ри Мар.

Наконец-то. Ещё один целитель — с ним хотя бы не придётся объяснять очевидное.

Она только успела сесть на кровать и стянуть перчатки. Теперь пришлось натягивать их снова, расправляя плотный материал на пальцах.

Новый разговор означал новые просьбы, заверения, удачно выбранные паузы. Всё это утомляло, но чем скорее выяснятся условия, тем лучше. Ей нужно было понять, позволят ли ей остаться на Та́лассе и жить дальше или свободу всё-таки придётся отвоёвывать грубой силой.

Чой повёл её в другую комнату.

Здесь не было прозрачной перегородки. У стены стоял широкий мягкий диван, перед ним — низкий столик. С экрана доносились негромкие голоса ведущих развлекательной передачи. После пустого бокса обстановка казалась почти домашней, хотя объектив под потолком и вторая запертая дверь не позволяли забыть, где она находится.

Зари сидел на диване.

— Без стекла? — спросила Мариана, задержавшись на пороге.

— По моей просьбе. Перчатки не снимай.

Он сказал это спокойно, без вызова. Мариана отметила и расстояние до двери, и то, что Чой остался внутри.

Потом подошла к дивану, села рядом с Зари и заглянула ему в лицо.

— Ну что? Когда меня отпустят?

Голос дрогнул как надо. Она даже всхлипнула.

— Только давай без слёз, — сказал Зари с усмешкой. — На меня не подействует. Ты это знаешь.

Мариана выпрямилась. Жалобное выражение исчезло с её лица.

— Вопрос остаётся.

— Тогда сразу к делу.

Зари активировал коммуникатор и развернул виртуальный экран, на котором появились документы.

— Тебе предлагают участие в программе суррогатного материнства.

— Я уже сдавала яйцеклетки.

— На этот раз суррогатной матерью будешь ты.

Она посмотрела на него, ожидая продолжения. Зари молчал.

— Это лучшее, что они придумали?

— Пока — единственное предложение.

Мариана коротко усмехнулась.

— Я вытягиваю жизнь из взрослых людей, а вы хотите подсадить мне эмбрион? Решили проверить, что случится с ним?

— Эмбрион необычный. Предполагается, что его развитие потребует значительной части твоего ресурса. Возможно, это снизит активность способностей.

Мариана перевела взгляд на документы.

— Предполагается?

— Гарантий нет.

— А того, что я его убью, вы не боитесь?

— Риск оценивали. Есть основания считать, что он сможет развиваться.

— Основания у вас были и перед моим обследованием.

Зари не ответил. Она откинулась на спинку дивана.

— Кто родители?

Он помедлил.

— Яйцеклетка твоя.

Мариана перестала улыбаться.

— А отец?

— Его данные закрыты. У меня к ним нет доступа.

— Ты же советник.

— Помощник советника. Это разные полномочия.

— Но об эмбрионе ты что-то знаешь.

— Достаточно, чтобы передать предложение. Недостаточно, чтобы ответить на все твои вопросы.

— Удобно.

Она снова посмотрела на экран. Незнакомые обозначения, ссылки на приложения. За каждым пунктом наверняка скрывалось ещё несколько документов, которые ей либо не покажут, либо предложат прочесть в самый последний момент.

— Если яйцеклетка моя и вынашивать буду я, это мой ребёнок. При чём здесь суррогатное материнство?

— Так называется программа. Твой случай проводят в её рамках.

— Название меня не интересует. Кому отдадут ребёнка?

Сдать яйцеклетки было просто. После этого всё происходило где-то ещё и не имело к ней отношения.

Здесь же ей предлагали самóй выносить и родить. Мариана не знала, привяжется ли к ребёнку. Возможно, нет. Но и заранее отдавать кому-то право забрать его не собиралась.

С Натали уже случилось нечто подобное. Проверять на себе, насколько легко с этим смириться, не хотелось.

— Если твои способности удастся стабилизировать и ты перестанешь представлять опасность, тебе разрешат оставить ребёнка, — сказал Зари.

— А если нет?

— Этот вопрос будут решать по результатам наблюдения.

— То есть сейчас мне ничего не обещают.

— Сейчас тебе предлагают выйти из изолятора под медицинский надзор. При условии участия в программе.

Мариана провела большим пальцем по шву перчатки.

— А служба?

— В элитный отряд ты не вернёшься.

Она медленно подняла на него глаза.

— Из-за шести идиотов я лишилась карьеры?

— Из-за того, что никто не знает пределов твоей силы. В том числе ты сама.

— Я предупреждала их. Они нарушили собственные меры безопасности.

— Это выясняют. Но даже если всё было именно так, рядом с тобой погибли шесть человек. Пока мы не понимаем, как это произошло, к отряду тебя не допустят.

Мариана отвернулась к экрану на стене. Один из ведущих смеялся; второй терпеливо ждал, когда тот закончит.

— Ты ведь и сама не можешь обещать, что это не повторится, — добавил Зари.

Обещать она могла что угодно. Он выбрал не тот довод.

Однако в остальном был прав: эта сила ей мешала. Эти ужасные перчатки, необходимость следить за каждым движением, а ещё — невозможность прикоснуться к человеку, не прикидывая, чем это закончится.

И всё же от одной мысли о накопленной силе её охватывало чувство величия. Она помнила, как легко поднялась с кушетки среди неподвижных тел. Ни слабости, ни боли. Только ясность и спокойствие, каких прежде не испытывала.

Мариана не считала себя убийцей. Она не шла в научный центр убивать. А что сделала бы теперь, если бы пришлось выбирать между чужой жизнью и собственной свободой, — это был уже другой вопрос.

— Сколько у меня времени? — спросила она.

— Набор в четвёртый поток программы заканчивается. Решение нужно сегодня.

— А следующий?

— Следующего набора не будет. Остальные дети седьмого поколения уже родились. Этот перенос — последний в запланированной серии.

Мариана снова повернулась к столу. Ей предлагали променять тюремную камеру на материнство. Сделка, конечно, сомнительная, но на воле в любом случае больше возможностей, чем здесь. Да и отказываться от побега она никому не обещала.

— Хорошо. Я согласна.

Часть 1

Глава 1. Сомнительная авантюра

***

Ри́я обожала сомнительные авантюры, особенно если на них можно было заработать. Поэтому, когда её попросили об одной услуге — разумеется, не бесплатной, — она, недолго думая, согласилась. А почему бы и нет? Деньги лишними не будут, тем более что Рия уже давно планировала пополнить коллекцию своих дронов. Одна из последних моделей стоила баснословных денег. Ей бы и года службы в патруле не хватило, чтобы накопить на желанную игрушку.

Много ей, конечно, не предложили. Те, кого предстояло проводить в тюрьму строгого режима, зарабатывали едва ли не меньше неё само́й. Но даже от такой суммы Рия не отказалась. Причин было несколько. Во-первых, лишняя копейка никогда не помешает. Во-вторых, среди тех, кого ей предстояло сопровождать, она могла обзавестись полезными знакомствами, а возможно, и друзьями. Ну а в-третьих, ей не терпелось лично познакомиться с нынешним, пусть пока и неофициально, сильнейшим телепатом Та́ласса.

Рия никогда не боялась телепатов. Многие винили их во всех бедах, но она предпочитала думать, что зачастую телепаты и сами не рады своим способностям. Кому понравится копаться в чужих мыслях? Рии уж точно не хотелось знать ничьих секретов — даже секретов тех, кого сегодня предстояло сопровождать.

Всё необходимое она выудила из служебных баз данных; взломать их защиту не составило особого труда. А мысли пусть остаются при тех, кому они принадлежат.

К тому же телепатам часто приписывали участие в заговорах и обвиняли в том, что они перекраивали чужие мысли. Боевых телепатов порой винили даже в том, чего они попросту не могли сделать, а обычных — и вовсе откровенно презирали. При этом все почему-то забывали, чем для обычного телепата мог обернуться глубокий ментальный контакт, например, с энергетиком.

Достаточно было посмотреть на Ра́эля. Точнее, обратиться к тем сведениям, которые Рия сумела о нём раздобыть. Вживую она его никогда не видела, да и не особенно стремилась. Вполне хватило фотографий из личного дела.

Рия заранее подготовила дополнительный комплект формы, припасла несколько защитных балаклав и настроила коммуникатор на нужные частоты. Длинные рыжие волосы собрала в пучок и закрепила заколкой, внутри которой спрятала мини-робота. Затем надела очки с тепловыми датчиками тепла и встроенным искусственным интеллектом. Ногти покрыла нано-гелем, способным менять собственную форму и структуру, подстраиваясь под любой механический замок.

В карман брюк Рия спрятала «Паука» — разведывательного дрона третьего класса. По сигналам чипов, встроенных в оружие охранников и в отдельные модели боевых роботов, он определял их местоположение.

В основном Рия полагалась на собственные способности, но мелкие задачи поручала роботам, которых лично перепрограммировала, а порой и полностью переделывала под свои нужды. Своими секретами она ни с кем не делилась, хотя и не слишком усердно их скрывала. Тот же Раэль, например, или любой другой телепат высшего порядка, наверное, смогли бы выудит из её головы всё необходимое.

Рия взглянула на часы. Приготовления были завершены, а до встречи оставалось ещё много времени. Если выдвинуться прямо сейчас, она прибудет на место задолго до остальных.

Именно это ей и требовалось: добраться заранее, осмотреться и хотя бы примерно оценить препятствия в главной тюрьме строгого режима.

Там, глубоко под поверхностью Таласса, содержали бойцов элитных войск, и Рии предстояло обойти систему охраны, выверенную до мелочей и созданную для удержания самых опасных преступников.

***

— Ты уверена, что ей можно доверять? — негромко спросил Тамерлан.

Кайли слабо улыбнулась.

— Нет. Но больше мне не к кому обратиться.

Кайли положила ладонь ему на плечо. Тамерлан вздрогнул, словно её прикосновение застало его врасплох, но не отстранился. Под ладонью напряглись мышцы. Она осторожно направила силу, помогая ему расслабиться.

— Слушай, я не хочу подвергать тебя опасности, — сказал он. — То, что мы задумали, очень рискованно и может повлечь серьёзные последствия, вплоть до исключения из элитных войск.

— Слушай, я в курсе…

— Думаю, тебе лучше остаться дома.

Кайли с силой сжала его запястье. Тамерлан бы даже не заметил этого, будь она обычным человеком, но в пальцах Кайли снова пульсировали способности целителя.

Тамерлан нахмурился, однако руки не отдёрнул. Он знал, что Кайли не причинит ему вреда.

— Я всё равно пойду. Ты же меня знаешь, — бросила Кайли, старательно имитируя уверенность.

Но уверенности она не испытывала.

С самого начала затея казалась ей безрассудной. Они собирались нарушить не один закон Таласса, и никакие добрые намерения не избавили бы их от наказания. Но Тамерлан не умел бросать своих. Когда-то именно за это Кайли его и полюбила. Нельзя было теперь требовать, чтобы он стал другим лишь потому, что верность могла обойтись им слишком дорого.

Поэтому Кайли смирилась с его решением, но всё же вознамерилась защитить Тамерлана. Благодаря некоторым своим знакомствам она вышла на техника, который должен был помочь осуществить задуманное и при этом не попасть в руки закона.

А потом Тамерлан посвятил в план Аттерли. Кайли так и не поняла, что им двигало: неосторожность или доверие к человеку, с которым он успел сблизиться. Она надеялась, что Аттерли хотя бы попытается его образумить. Вместо этого тот сразу предложил помощь.

За последнее время Аттерли стал настолько силён, что даже адмирал Ка́рстен предпочитал избегать поединков с ним, каждый раз находя повод потренироваться с кем-то другим.

Единственной, кто ещё ни разу не проигрывал Аттерли, оставалась Кристина́ Лама́рк. Да и то, наверное, лишь потому, что она уже давно не выходила на ринг и не участвовала в сражениях.

Кайли шагнула ближе и прижалась к мужу. Тамерлан обнял её за талию, другой рукой приподнял её подбородок и поцеловал. На мгновение она закрыла глаза.

Даже сейчас он не мог расслабиться. Слишком крепко прижимал её к себе, слишком долго не отпускал. Она не умела читать мысли, но ей и не требовалось быть телепатом, чтобы понять: ему страшно не меньше, чем ей.

Возможно, он уже жалел, что втянул её в это. Возможно, искал другие пути. Кайли не знала. Знала только, что отступить он себе не позволит.

За окном спальни сгущались сумерки. Всё было готово. Оставалось дождаться Аттерли. Хотелось, чтобы он задержался. Хотя бы ненадолго.

Но Кайли первой ощутила за дверью знакомое присутствие. Почти сразу Тамерлан поднял голову: как энергетик, он уловил поле другого мутанта.

Аттерли пришёл раньше условленного времени. Однако стука не последовало. Несколько мгновений он оставался на крыльце, будто тоже не решался сделать последний шаг.

Тамерлан разомкнул объятия.

— У него ведь тоже семья, — тихо сказала Кайли.

Тамерлан задержался у двери спальни, но ничего не ответил.

Почему-то ей казалось, что вслед за Аттерли в их дом ворвётся патруль, состоящий исключительно из бойцов элитного отряда, и всех повяжет, предъявив вполне обоснованные обвинения в попытке организовать вторжение в подземную тюрьму для мутантов.

Но ничего не произошло. За порогом стоял только Аттерли.

Он уверенно шагнул внутрь и с вызовом посмотрел на Тамерлана. Казалось, ничто не способно заставить карлика передумать или сломить его дух. Кайли даже воспользовалась своими способностями, чтобы «прощупать» его эмоциональное состояние, и, к собственному удивлению, обнаружила: он настроен куда твёрже, чем она или сам Тамерлан. А ведь в случае провала Аттерли грозила не просто потеря работы, а суровый приговор. И что тогда делать Джене с грудным ребёнком на руках?

Видимо, он нисколько не сомневался в успехе их миссии.

А может, он всё-таки был предателем? Может, где-нибудь поблизости уже затаился офицерский патруль, ожидая лишь его сигнала? Стоило Кайли и Тамерлану совершить роковую ошибку, и их тут же задержали бы.

— Привет, — хмуро сказал Тамерлан, протягивая руку.

— И вам не хворать.

Аттерли пожал ему руку и кивнул Кайли.

— Чего такие кислые? Передумали? — спросил он.

— Нет, — ответил Тамерлан.

Аттерли задержал на нём взгляд:

— Всё готово? Смотрю, ты сам не свой.

Тамерлан и правда словно отгородился от них обоих. Отвечал коротко, смотрел настороженно; даже в собственном доме держался так, будто опасность уже была рядом. Кайли хотелось снова коснуться его, снять хотя бы телесное напряжение, но она осталась на месте. Причину его страха целительские способности устранить не могли.

За себя Кайли боялась иначе, не так безнадёжно. У отца были связи и влияние. Она не знала, хватит ли их на этот раз, но в глубине души всё равно теплилась надежда, что он найдёт способ её вытащить. За Тамерлана, возможно, вступилась бы Кристиана — появись она вовремя и узнай о случившемся.

А вот кто заступится за Аттерли?

Вся его напыщенная гордость сейчас вызывала лишь глухое раздражение. Кайли с трудом подавила желание влепить ему пощёчину и закричать: «Очнись! Что ты творишь? У тебя же ребёнок!»

Она уже набрала в грудь воздуха, чтобы всё высказать, когда почти синхронно отозвались три коммуникатора. На всех экранах высветилось одно и то же сообщение. Кайли успела прочесть его дважды, прежде чем текст растворился без следа. Она торопливо открыла список входящих, но новой записи там не оказалось.

— Мне это показалось? — опешил Аттерли.

— Тогда нам всем… — мрачно отозвался Тамерлан. Он пролистал историю сообщений, вернулся к началу, проверил ещё раз — и ничего.

И только Кайли выдохнула с неким облегчением. Почему-то именно это послание — внезапное и исчезнувшее почти сразу после прочтения — убедило её в главном. Человек, на которого они втроём так отчаянно полагались, был настоящим профессионалом.

***

Стефан не жаловался. Условия, в которых его содержали, были вполне приемлемыми. Его кормили пять раз в день, обеспечивая полноценный рацион, необходимый для поддержания физической формы. Ему выделяли время для тренировок в зале, куда он отправлялся в сопровождении роботов-охранников. Кроме того, он имел неограниченный доступ к учебным материалам и библиотеке.

И всё было бы замечательно, если бы не одно существенное «но»: Стефан сидел в камере строгого режима. Приговор ему так и не вынесли, а сами обвинения звучали, мягко говоря, неубедительно. Казалось, Совет запер его здесь лишь потому, что понятия не имел, как с ним поступить. Точнее — что делать с его способностями.

Стефан и сам не знал, что со всем этим делать. На него навалилось слишком многое, но главное — он не понимал, как справиться с обрушившейся на него трагедией.

По ночам ему снилась Дана. Они вместе сидели у озера; он касался её лица, прижимался к её губам в порыве поцелуя, а в следующий миг на стене рядом расползалось кровавое пятно. Иногда вместо пятна появлялась лишь тень — та самая, что осталась от Даны. И это было даже страшнее.

Если бы нашлись хоть какие-то следы крови, тело, останки — что угодно, подтверждающее её смерть, — Стефан решился бы подать заявку на «Тихий сон», разом упростив жизнь и себе, и Совету. Но пока теплилась призрачная надежда, что Дана жива, он не мог на это пойти. Где-то в глубине души по-прежнему тлела слабая вера в то, что её удастся отыскать на просторах космоса, на какой-нибудь другой обитаемой планете, как бы фантастично это ни звучало.

Стефан одновременно хотел смириться с её смертью — и не мог её принять.

Одиночная камера оказалась довольно просторной. У стены стояла кровать, рядом — небольшой шкаф со сменной одеждой. Держать при себе личные вещи не разрешалось. Не позволили ему взять и коммуникатор для связи с друзьями. Зато Тамерлан навещал его почти всегда, когда разрешались посещения. Приходили и родители. Их поддержка, как и поддержка друга, заметно подбадривала Стефана.

В камере также стояли стол и стул. Был здесь и планшет, но без доступа к внешнему миру — исключительно для учёбы. А книги, которые Стефан выписывал, приносили всё те же роботы, от одного вида которых его уже тошнило.

Порой хотелось схватить эту бездушную груду металла и швырнуть в стену, а потом закричать:

— Посмотрите! Посмотрите, что вы сделали с Даной!

А затем рухнуть на колени посреди камеры и рыдать от бессилия.

Но Стефан не позволял себе излишней эмоциональности. Он знал, что за ним наблюдают. Потолок был утыкан камерами; одна имелась даже в душе, и это, казалось, сводило его с ума.

Живых охранников к Стефану не подпускали, и причины были понятны. Никто до конца не представлял, на что он способен, и все боялись, что он сбежит.

Вот только Стефан не просто не собирался бежать — он даже не знал, куда и зачем. Всё словно утратило смысл.

Никто толком ничего ему не объяснял, но кое-что Стефан всё же выяснил. Случилось это ещё в первую неделю после того, как его заключили под стражу. Тогда к нему лично явился Карстен и подсунул документы о неразглашении. Подписать их было необходимо, чтобы Стефану разрешили принимать посетителей.

Карстен не утруждал себя разговорами. Он смотрел на Стефана откровенно враждебно, даже с каким-то злорадством. В какой-то момент Стефану почудилось, что глазами адмирала на него смотрит сам Раэль, связанный с Карстеном телепатически.

Заглянув в поверхностные мысли адмирала, Стефан убедился, что не ошибся, — правда, лишь отчасти. К собственному удивлению и даже разочарованию, он уловил в сознании Карстена страх. Но боялся адмирал вовсе не присутствия Раэля, с которым как раз мысленно спорил, — он опасался, что сам Стефан сумеет проникнуть глубже в его разум.

Ещё удивительнее оказался страх самого Раэля. Тот умолял адмирала поскорее уйти, держаться от Стефана подальше, а в следующий раз прислать вместо себя роботов — пусть сами с ним разбираются.

— Что я вам такого сделал? — не сдержался тогда Стефан. — Я никого не убивал. Это вы сами загнали нас туда.

Карстен замер — лишь на долю секунды, но Стефан это заметил. Затем адмирал резко вскочил и пулей вылетел из кабинета.

За то недолгое время, что Карстен просидел напротив, Стефан успел кое-что выудить из его сознания. Глубоко в мысли адмирала он не забирался, но молчание того раздражало. Мог бы хоть что-нибудь объяснить: какие лаборатории скрываются под землёй и что за эксперименты там проводят. Или что представлял собой тот киборг, стрелявший в них чем-то непонятным.

Поначалу Стефан решил, что в научном центре сумели воссоздать в искусственных условиях пульсар, но всё оказалось куда сложнее. Сам он в этом не разбирался. Возможно, Дана сумела бы ему объяснить, но её больше не было — по крайней мере, не на Талассе.

Слабую надежду на то, что Дана жива, вселила в него Кристиана. Сама она напрочь отказывалась верить в смерть дочери. Кротовая нора, телепортация, разлом в пространстве — всё что угодно, лишь бы не принимать страшную правду, лишь бы не признавать, что Даны больше нет. Стефан мог лишь позавидовать её оптимизму.

Она приходила к нему пару раз: в первый — просто проведать, во второй — всё с той же целью. Кристиана почти ничем с ним не делилась, да это и немудрено: и Стефан, и все его посетители находились под наблюдением. Однако он мог проникать в её мысли, и сама Кристиана не возражала.

Читай её как открытую книгу — но даже мысли не допускай, что Дана мертва. Иначе Кристиана снесёт всю тюрьму и отправит её обитателей к тем самым чертям, в существовании которых она почему-то нисколько не сомневалась.

Но даже Кристиана не могла объяснить ни принцип действия созданного в лаборатории оружия, ни то, было ли оно оружием вообще. Вероятность того, что Дана проскочила в пространственную петлю, существовала, однако никто не знал, куда эта петля вела. Хуже всего — Дану могло выбросить в открытый космос или перенести на какую-нибудь планету, совершенно непригодную для жизни. Так или иначе, всё сводилось к одному: Дана мертва. Но Кристиана упорно убеждала себя в обратном.

Общаться с ней Стефану оказалось непросто. И не потому, что они оба скорбели по одному человеку, а потому, что в своём горе Кристиана постепенно скатывалась в безумие и не принимала чужого мнения. Ты либо соглашался с ней, либо отправлялся в ад — и хорошо ещё, если только в переносном смысле.

А потом Кристиана исчезла. Стефан не удивился бы, узнав, что её поместили в клинику для душевнобольных. Однако Тамерлан при встрече как-то обмолвился, что она словно исчезла вместе с Даной: даже Карстен не знал, куда та подевалась.

А ещё Стефана гложило чувство несправедливости вселенского масштаба. Почему в тюрьме оказался он, а не Раэль? И почему все ополчились на него, если он всего лишь хотел защитить девушку, которая, как он уже признался самому себе, ему нравилась?

Здесь, конечно, крылось одно небольшое, но любопытное обстоятельство. Будь Дана официально его женой, никто не смог бы выдвинуть против него те обвинения, что предъявляли теперь: отношения с девушкой вне брака, публичная демонстрация чувств, неповиновение приказам вышестоящих лиц и, наконец, сам побег, повлёкший разрушения.

Вот только разрушения возникли из-за воздействия Даны. Поскольку её уже не было, всю вину попытались свалить на Стефана. От этой части обвинений ему удалось откреститься — не без помощи адвоката, разумеется. Адвоката наняли родители, которым, как выяснил позднее Стефан, помогла На́тали.

Остальные пункты обвинения тоже аннулировались бы, будь Дана его женой. Но всё сложилось иначе: они слишком поздно поняли, что небезразличны друг другу.

Стефан с теплом вспоминал тот момент, когда они по нелепой случайности признались друг другу в чувствах. Помнил и то, как Дана упорно считала себя уродиной и была уверена, что такой, как он, никогда на неё не посмотрит. Ну что за бред?

Единственное, что отличало её от других девушек на Талассе, — белые волосы и голубые глаза. Но разве это делало её уродиной? Напротив, казалось, лишь подчёркивало её красоту.

Стефан с силой отшвырнул стул. Он сидел на кровати в своей камере, думал обо всём этом и умирал от бессилия, потому что уже ничего не мог исправить. Как же ему хотелось, чтобы она оказалась рядом.

Впрочем, ни по одному из оставшихся обвинений смертная казнь ему не грозила. Никто не погиб, не пострадал — кроме само́й Даны, разумеется. Был ещё Де́лфин, однако его вину и то, что Стефан действовал, защищая Дану, доказали почти сразу — хотя бы по записям с камер наблюдения.

Всё, что Стефан узнал о Делфине, сводилось к тому, что тот всё-таки встал на ноги и даже полностью вернул себе подвижность. Некоторые последствия для здоровья, конечно, остались. Больше всего радовало то, что Стефан лишил его телепатических способностей.

И вот тут крылась загвоздка. Как выяснилось, Стефан мог лишить способностей любого телепата — точнее, отключить их. А вот как включить обратно, не знал никто. Телепатов и без того боялись, но Стефана, помимо всех прочих, опасались ещё и сами телепаты. И не только поэтому: хотя официально его ещё не признали, неофициально уже называли сильнейшим телепатом Таласса.

Сам Стефан сильнейшим себя, конечно, не считал, однако отрицать, что в нём сочетались способности боевого и обычного телепата, было бы глупо.

Он приглушил свет и лёг на кровать. Прикрыв глаза, сосредоточился на своих способностях.

Он находился на третьем подземном уровне, специально отведённом для содержания телепатов. Камеры и отдельные секции этажа разделяли энергетические перегородки, блокировавшие любое общение между заключёнными, а также их телепатическую связь с внешним миром.

Поскольку Стефан считался самым опасным узником, его камеру окружили дополнительными слоями искусственно созданного энергетического щита.

Стефан легко преодолел один за другим слои энергетической защиты и проник в сознание заключённых-телепатов, содержавшихся по соседству. Сам он при этом лежал на боку, стараясь сохранять естественную позу спящего, чтобы не вызвать подозрений у тех, кто наблюдал за ним через камеры.

Он едва не улыбнулся, подумав, насколько легко ему удалось обойти защиту собственной камеры.

В одной из соседних камер сидел маньяк-психопат, мысленно принуждавший женщин к близости и заставлявший своих жертв верить, будто они сами согласились остаться с ним наедине.

В другой содержался один из организаторов передачи детей синатхам, которые впоследствии якобы лишали юных мутантов способностей. Этот телепат мысленно принуждал суррогатных родителей таких детей «добровольно» привозить их для участия в сомнительных обрядах, а затем стирал взрослым память.

Впрочем, из личного дела Даны Стефан уже знал, что синатхи не лишали мутантов способностей, а лишь временно блокировали их. Сами синатхи были не в восторге от сотрудничества с людьми, но сейчас Стефан не хотел о них думать. Они напоминали ему о Дане, а от мыслей о ней он пытался отстраниться хотя бы на время.

Чуть дальше содержалась девушка, с помощью телепатических уловок заставлявшая обычных людей переводить на её счета свои деньги и сбережения. Один из таких случаев кончился тем, что обманутый ею человек покончил с собой.

И тут Стефан невольно задался вопросом: что он, собственно, забыл среди всех этих преступников?

Он потянулся сознанием дальше, к верхнему уровню, не задерживаясь в мыслях других заключённых. Даже представить было страшно, за что те угодили в тюрьму, а копаться в сознании психопатов мало кому пришлось бы по душе.

Стефан попытался дотянуться до мыслей охранников с верхних уровней — обычных людей, — чтобы выудить хоть какие-нибудь новости о внешнем мире и понять, что вообще происходит.

Из последних новостей он знал, что переговоры с кхтарами не состоялись: по инициативе людей их перенесли на неопределённый срок. И это было вполне объяснимо.

Чтобы вести переговоры со столь серьёзным противником, людям требовалось иметь на руках весомый козырь — нечто, что позволило бы заявить: «Смотрите, каких мутантов мы породили, и только попробуйте на нас напасть». Главным преимуществом оставалась Дана: на всём Талассе только она была энергетиком, способным отразить импульсный снаряд кхтаров.

Но теперь её не стало.

Вместо неё кхтарам можно было бы преподнести нового сильнейшего телепата в лице Стефана. Однако он всё ещё сидел в тюрьме, ожидая окончательного приговора. А главное — Стефан был мужчиной, а кхтары мужчин человеческого рода на дух не переносили. Эта неприязнь будто была заложена в них на генетическом уровне.

Откуда она взялась, Стефан понятия не имел. Из исторических сводок он знал лишь, что при первом столкновении с людьми кхтары заключили всех мужчин под стражу и отправили на тяжёлые работы. Женщинам же отвели одну-единственную роль — рожать как можно больше будущих рабов. И всё же к женщинам кхтары относились хотя бы с некоторым уважением.

Вероятно, это было связано с их религиозными представлениями и обожествлением богини природы или с тем, чему они там поклонялись

И хотя люди освободились от власти кхтаров уже очень давно, любые переговоры с ними по-прежнему вели исключительно женщины. Поэтому реши Совет вдруг представить Стефана в качестве живого оружия, кхтары, скорее всего, восприняли бы это как оскорбление.

Оставался ещё сильнейший техник — девушка. Но её способности в любом случае были не того уровня, чтобы противостоять оружию в открытом космосе или служить весомым аргументом на межпланетных переговорах с противником, который едва ли уступал людям в силе, а возможно, и превосходил их.

Стефан хотел проскочить дальше. Он уже мысленно вышел на первый этаж надземной части тюрьмы и даже почти дотянулся до случайного прохожего, как вдруг уловил отголоски инопланетного разума.

***

До места назначения они добрались глубокой ночью, и их уже ждали. Вернее, ждала она — почти неразличимая тень, притаившаяся за нависшей скалой. Её силуэт сливался с тёмным камнем, а чёрная одежда лишь усиливала маскировку.

— Это та самая Рия? — прошептал Тамерлан, склонившись к уху Кайли.

Кайли коротко кивнула.

— Напомни, как вы познакомились?

— Её мать была сильнейшей целительницей шестого поколения на Талассе, пока её место не занял мой отец, — отчеканила Кайли вполголоса.

Шедший рядом Аттерли поперхнулся.

— Целительницей? — переспросил он. — Но Рия — сильнейший техник, насколько мне известно. Выходит, её отец тоже был техником? Или как это в вашем мире вообще устроено?

— Нашли время! — раздражённо бросила Кайли. — Там сложная история. Как-нибудь потом.

Она отмахнулась, обрывая расспросы. Впрочем, их голоса, судя по всему, уже долетели до укрытия: Рия выглянула из-за скалы и помахала им.

— Она не боится, что нас засекут дроны? — спохватился Тамерлан.

Чуть впереди, над самой скалой, парил фонарь. Тамерлан почти не сомневался, что тот подслушивает их или, того хуже, снимает на камеру. Почему лишь почти? Да потому что остальные на удивление спокойно смотрели на зависший в небе шар, хотя всем было известно: он играет далеко не только роль осветительного прибора. Сейчас, впрочем, фонарь не горел.

Они уже вплотную подошли к Рии. При ней не было ничего лишнего — ни рюкзака, ни сумки, разве что небольшой карман на штанах. В руках она держала несколько балаклав и, едва поприветствовав спутников, протянула их им.

Тамерлан поспешил натянуть балаклаву на голову. Он понимал, почему Рия остановила выбор именно на них. Шлемы элитных бойцов отличались громоздкостью, да и нужды в них не было: не в открытый же космос они собрались.

Балаклавы напоминали ритуальные головные уборы. Разница заключалась лишь в том, что ритуальные маски шили из дешёвой повседневной ткани, а эти были эластичными и словно обволакивали голову. Тамерлан отметил про себя, что в такой балаклаве находиться куда приятнее, чем в шлеме элитного бойца или в той же ритуальной маске.

Впрочем, от лазерного снаряда балаклава вряд ли могла защитить. Скорее, она служила лишь для того, чтобы скрывать лица. К тому же Тамерлан знал, что их продажа на открытом рынке запрещена.

— Все вопросы — после завершения миссии, — спокойно произнесла Рия.

Тамерлан не видел её лица — оно было полностью скрыто маской, — но отметил, с каким спокойствием она говорила.

— Внимательно слушаем, что я говорю, и выполняем. Все переговоры ведём шёпотом.

— А для меня маски нет? — вкрадчиво уточнил Аттерли. В его голосе отчётливо проступала резкость, но Рия, кажется, этого не заметила. Впрочем, не видя её лица, трудно было что-либо понять.

— Ты остаёшься снаружи, — спокойно пояснила она.

— Но мы так не договаривались, — возразил Аттерли.

Лишь теперь Тамерлан заметил, что товарищ — единственный, кому маска не досталась.

— Я с тобой переговоров и не вела, — равнодушно пожала плечами Рия.

Тамерлан не умел читать мысли, но Кайли знал достаточно, чтобы уловить её нервозность по одному движению: она убрала руку за спину и сжала кулак. Аттерли он тоже понимал

хорошо и сразу почувствовал: тот недоволен лишь для виду. Прислушавшись, можно было различить его вздох облегчения, да и сопротивлялся он недолго: спокойно отступил в тень той же скалы и, слившись с ней, стал почти незаметен.

Тамерлан не осуждал его. Будь у них с Кайли общий ребёнок или окажись она в положении, он ни за что не подверг бы ни её, ни себя такому риску. Да и, по правде говоря, Тамерлан вообще был не рад, что она отправилась с ним на эту сомнительную миссию.

Кайли внезапно вздрогнула, а затем сунула всё ту же руку в карман куртки.

— Оплата после, — остановила её Рия, мгновенно разгадав намерение.

Кайли лишь кивнула.

Рия взглянула на экран коммуникатора, быстро что-то набрала, развернулась и тихо скомандовала:

— За мной.

***

Она справилась бы и в одиночку. Единственная загвоздка заключалась в том, что тот, к кому они направлялись, — Стефан, кажется, так его звали, — мог запросто отказаться идти ночью неизвестно куда с незнакомым человеком.

Аттерли Рия отмела сразу. Грузный, медлительный, он не внушал доверия с первого взгляда. О его способности управлять гравитацией Рия была наслышана, но сейчас она была ни к чему. Тамерлан ещё мог пригодиться: помог бы пробраться сквозь энергетические щиты, которыми было напичкано всё подземелье тюрьмы, да и наземная её часть, если уж начистоту, тоже. Со щитами, созданными искусственно, Рия справилась бы без труда, а вот с теми, что подчинялись живым энергетикам, вряд ли. Технику можно обмануть, человека — нет. Рия ведь не какой-нибудь телепат.

Способности Кайли тоже были не слишком полезны, и Рия уже собиралась сказать ей об этом, но передумала, заметив, как та потянулась к карману — явно не за конфетой. Кайли была основной заказчицей и, как Рия уже выяснила, плательщицей, а с теми, кто платит, принято не спорить.

Рия сверилась с частотами на коммуникаторе и подключилась к парящему фонарю, чья камера сейчас смотрела в противоположную сторону. Осмотрев через неё ближайший периметр, она переключилась на соседний фонарь и так, двигаясь по цепочке, быстро просканировала местность. Их позиция и положение прочих живых объектов тут же отобразились на карте.

— *За мной*, — скомандовала Рия.

Шли недолго, быстрым шагом, растворяясь в сумерках. Это было несложно: многие мутанты обладали превосходным зрением, а Рия и вовсе отлично ориентировалась в темноте. Кайли как целительница тоже имела сходное чутьё.

Тамерлан брёл позади, и Рия не сомневалась: он как минимум пару раз споткнулся и во что-то угодил. Ругаться он не ругался, лишь изредка тяжело вздыхал. Потом вздохи смолкли. Рия обернулась проверить, не случилось ли чего, и увидела, что Кайли крепко держит его за руку. Что ж, не зря она её всё-таки взяла.

Рия представила, как ей пришлось бы вести Тамерлана под руку, и её передёрнуло от отвращения. Можно было, конечно, зажечь фонари, но свет привлёк бы случайных свидетелей. Уличные фонари загорались строго по расписанию, а в остальное время несли по большей части наблюдательную службу. Сейчас они были под полным контролем Рии, однако это не значило, что её самовольное вмешательство пройдёт незамеченным. Она была не единственным техником на Талассе, а потому рисковать и включать ещё и освещение не решилась.

Наконец впереди замаячило здание подземной тюрьмы строгого режима для мутантов. Невзрачное, затерянное в отдалении от города.

Надземная часть тюрьмы насчитывала всего четыре этажа, зато остальные двадцать уходили глубоко под землю, разбитые на отдельные отсеки. По меркам технологий Таласса сооружение не выглядело громоздким, однако надёжностью защиты, пожалуй, превосходило даже подземные лаборатории научного центра. С той лишь разницей, что о тюрьме знали все жители города и окрестных областей, а о лабораториях — считаные единицы.

Рия покосилась на спутников. Прежде чем согласиться сопровождать их, она изучила дело Стефана — разумеется, обойдя защиту, ограничивавшую доступ к личным делам мутантов, — и кое-что о нём разузнала.

В графе оценки потенциала значилось: «Требует пересмотра». Его способности оставались изученными не до конца. До сих пор на Талассе рождались либо боевые, либо обычные телепаты, а тут каким-то образом сочеталось и то и другое.

Заинтересовало Рию и ещё одно обстоятельство: Стефан лишил способностей другого телепата. Впрочем, само по себе это не делало его виновным. Во-первых, он защищал Дану — факт, который признавали даже следователи телепатического отдела. Во-вторых, сам Стефан ничего не скрывал, а о собственных способностях узнал лишь накануне трагедии.

Любопытнее было другое. По чистой случайности Стефан с Даной оказались в подземном комплексе научного центра. И надо же было так совпасть: они забежали именно в тот лифт, который вёл прямо туда. Как утверждал Стефан, они просто заскочили в ближайшую кабину. Записи с камер и предварительная экспертиза подтверждали его слова.

Выходит, Стефан теперь знал о существовании комплекса и собственными глазами видел, какие эксперименты там ставили. Рия, в отличие от него, сама в комплексе не бывала, но работой учёных интересовалась исправно: взламывала базы данных, влезала в камеры наблюдения.

И вот досада: изучив дело, Рия так и не поняла, за что Стефана держали в тюрьме, да ещё в камере строгого режима.

Всё выглядело так, будто его осудили за способности, в появлении которых он не был виноват. Рию это задевало. Имелись на то и личные причины: она хоть и не скрывала своих способностей, но о многом предпочитала недоговаривать.

Боялась ли она телепатической проверки? И да и нет. Некоторое время назад Рия обнаружила у себя странную особенность. Сопоставив известные факты, она пришла к выводу, что телепаты среднего и низшего уровней не в силах читать мысли сильнейших энергетиков. Тогда Рия провела параллель с собственными способностями и попробовала создать похожую защиту — только не щитом, а посредством переменных полей. И у неё получилось.

Когда об этой особенности стало известно, Рия солгала Совету, заявив, что понятия не имеет, как ей удалось возвести такую защиту. Единственным, кто её преодолел, оказался Раэль. По крайней мере, сама Рия была в этом уверена. На проверке он определённо разглядел в её сознании многое. Они даже поговорили — там же, у неё в голове. Однако последствий не последовало. Ровным счётом никаких: её просто оставили в покое.

Позже Рия предусмотрительно заглянула в своё личное дело, но изменений не нашла. Напрашивались два вывода: либо Раэль действительно ничего не заметил, либо лишь сделал вид.

И вот теперь она направлялась в камеру к новому — пусть пока и неофициальному — сильнейшему телепату Таласса и гадала: сумеет ли он пробить брешь в защите её сознания? Если нет, значит, Раэль и впрямь ничего не выудил у неё из головы. А может, он просто не так страшен, как привыкли думать.

Рия резко остановилась. Шедшая следом Кайли ткнулась ей в спину, Тамерлан споткнулся, но удержал равновесие при помощи щита. Всё произошло молча, в полной тишине.

Рия напряжённо оглядела здание — точнее, четыре этажа, возвышающиеся над землёй. Чтобы лучше видеть, где находятся люди, включила тепловизор в очках. На всякий случай вынула из кармана дрона-разведчика.

Завидев крошечного паучка, Кайли шарахнулась в сторону. Реакция объяснимая: на Талассе пауки, как правило, были ядовиты и кусачи, да и сам вид их приятных чувств не вызывал.

Впрочем, у этой модели имелось несколько важных преимуществ. Во-первых, паук был полностью роботизирован. Более новые образцы создавались на основе настоящих пауков: их генетически модифицировали и оснащали боевыми имплантами. Вот таких тварей боялась даже Рия. Этот же оставался обычной машиной и, по сути, мало чем отличался от стандартных мини-дронов. Во-вторых, он обладал редким умением — незаметно прогрызать энергетические щиты, но использовали его не для нападения, а исключительно для разведки.

Этого дрона Рия купила на чёрном рынке. Узнай кто-нибудь из высшего руководства, что она обзавелась такой игрушкой, — и она вполне могла бы оказаться под следствием.

Паучок расправил лапки и, зарывшись в землю, резво двинулся вперёд. И не зря Рия на него положилась: по периметру дрон нащупал многослойные щитовые укрепления, явно созданные опытным энергетиком.

Можно было, конечно, обратиться к Тамерлану — но что она за исполнительница, если просит заказчика решить за неё такую простую задачу — обнаружить какие-то щиты? Другое дело — попросить его ненадолго приподнять один из них. Впрочем, и тут нашёлся выход. Точнее, отыскал его всё тот же дрон.

Пай — такое имя Рия дала своему роботу — сообщил, что обнаружил закопанный в земле люк. Любопытно хотя бы потому, что перед тем, как согласиться на эту авантюру, Рия изучила доступный ей план здания и наивно полагала, будто знает о нём всё. Выяснилось, что здесь имелись и другие тайные ходы.

Дрон передал предварительные данные о размерах и толщине крышки люка. Велев спутникам оставаться на месте, Рия опустилась на землю и подползла ближе. Она расчистила люк — к её удивлению, тот находился совсем неглубоко — и приложила ладонь к металлической крышке, ведущей неизвестно куда.

Как Рия и предполагала, это была ловушка. Точнее, ловушка скрывалась за люком. Впрочем, иного и не стоило ожидать. По-видимому, уготована она была какому-нибудь доходяге вроде неё, вооружённому ворохом продвинутых приборов, способных обнаружить тайный ход.

Однако дверь действительно существовала, как и тоннель, уводивший в подземную часть тюрьмы. Ловушки Рия отключила без усилий: коснулась проводящей части металлической конструкции и пустила свою силу по ответвлениям проводов. Добравшись так до компьютера, управлявшего этой частью здания, она его перепрограммировала. Система сама открыла люк и даже расчистила его: по краям располагались специальные ковши, сгребавшие землю, а затем возвращавшие её на место.

Разумеется, прежде чем спускаться, Рия глянула в тепловизор и убедилась, что внутри никого нет. Почти никого.

Здраво оценив обстановку, она приподнялась на локтях и, повернувшись к спутникам, тихо, почти не разжимая губ, произнесла:

— Тамерлан идёт со мной. Кайли, остаёшься снаружи.

Теперь дело было не в том, кто платит, а в том, как действовать быстрее и разумнее. В способностях Кайли Рия не сомневалась, но они ещё могут понадобиться позже.

***

Напряжение постепенно отпускало, и Тамерлан возвращался к своему обычному состоянию.

Он смотрел на миниатюрную девчушку и не переставал удивляться тому, что она умела. Тамерлану не впервые приходилось работать с техниками. Обычно их задача сводилась к проверке оборудования и компьютеров. Некоторые умели метать молнии и управлять роботами. Впрочем, именно это Рия сейчас и демонстрировала. Но было в ней кое-что особенное.

Тамерлан умел чувствовать исходящую от людей энергию. Благодаря этому он с первого взгляда мог определить, кто перед ним: обычный человек или мутант. Более того, он безошибочно понимал, когда мутанты пускали в ход свои силы. Так он обычно и вычислял моменты, когда Стефан или другие телепаты испускали свои эманации. Однако со временем Стефан настолько развил свои способности, что научился скрывать от друга собственный энергетический след.

Глядя на Рию, Тамерлан сразу понял: она использует свои способности. Вокруг неё концентрировалось огромное энергетическое поле. Удивительно, но распространялось оно по тому же принципу, что и поле Кайли. Оно светилось, разрасталось, временами принимало неясные очертания, а главное — всё время сохраняло одинаковую плотность. Поле Кайли в этом отношении выглядело так же. Разница заключалась лишь в том, что Кайли была целительницей, а Рия — техником.

И вот в чём состояла странность: все техники, с которыми Тамерлан сталкивался прежде, «светились» для него иначе. Их энергетические поля постоянно рябили, тогда как поле Рии оставалось ровным. Более того, Рия словно вытягивала энергию из окружающего пространства, а временами, наоборот, подпитывала кого-то сама. Совсем как целительница, а не техник.

Кайли уже обмолвилась, что мать Рии была целительницей. Значило ли это, что Рия унаследовала часть способностей не только от предполагаемого биологического отца, но и от матери?

Такое считалось невозможным. Обычно эмбрионы мутантов перед имплантацией подвергали генетической модификации, чтобы не допустить появления супермутантов и необратимых мутаций. Кроме того, при селекции старались сочетать генетический материал мутантов одной категории: техников — с техниками, энергетиков — с энергетиками и так далее. Во всяком случае, именно так утверждали официальные источники. Хотя случай с Даной уже показал, что иногда правилами можно и пренебречь.

Целители и лекари, как правило, считались нейтральной ветвью. Если генетические линии целителя сочетали с линией энергетика или техника, доминировать должны были способности второго родителя. Но в случае Рии всё выглядело иначе. Она словно унаследовала часть способностей целителя, однако использовала их не в медицинских целях, а для того, чтобы усилить свои навыки техника и воздействовать на устройства на расстоянии.

Даже сильнейшие техники, с которыми Тамерлану прежде доводилось иметь дело, взаимодействовали с приборами напрямую — так же, как целитель или лекарь с человеческим телом. Им требовался непосредственный контакт, прикосновение. Рия же действовала дистанционно, причём речь шла не о каких-то жалких нескольких метрах, а о километрах. Это было впечатляюще. К тому же она могла одновременно управлять несколькими роботами.

Рия продемонстрировала это, вынув из волос небольшой шарик. Тот тут же расправил крошечные крылышки и взмыл под потолок узкого прохода, открывшегося перед ними, после чего скрылся где-то впереди, в темноте.

Похоже, Рия заранее запрограммировала его на выполнение конкретной задачи. Но даже за работой автономного робота требовалось следить, одновременно анализируя полученные

данные. Кроме того, оставался паучок, которого Рия, кстати, оставила с Кайли, чтобы тот охранял её.

Странной казалась и манера Рии обращаться с техникой. Паука-разведчика она ласково называла Паем, а шарик, уже скрывшийся где-то в подземном лабиринте, — Липом.

Впрочем, Тамерлану было не до этого. Куда сильнее его беспокоили ловушки, встречавшиеся в подземном тоннеле.

Первую Рия отключила сразу. Ловушка была тепловой и действовала по принципу микроволновой печи: направленный луч должен был нагревать тело изнутри. Тамерлан, конечно, мог бы отгородиться от него энергетическим щитом, но всё же приятно было видеть, что Рия честно отрабатывает свой гонорар.

Второй ловушкой оказался сам лабиринт, скрытый под крышкой люка. И здесь тоже всё было непросто. Стоило свернуть не туда — и можно было попасть под такой же тепловой луч. Кроме того, повсюду установили камеры видеонаблюдения, а в стенах спрятали систему сигнализации.

Рия объяснила, что к стенам прикасаться нельзя. В пол тоже была встроена сигнализация: компьютер отслеживал каждый шаг, а информация о движении по тоннелю тут же передавалась на главный сервер. Систему, установленную под ногами, Рия отключила, но ту, что скрывалась в стенах, трогать не стала. Она объяснила, что если сейчас выведет из строя всё оборудование или вовсе обесточит здание, это будет выглядеть как минимум подозрительно.

Тамерлан посмотрел на Рию. Она ухватилась за край люка и спрыгнула вниз. Тамерлан последовал за ней. Крышка люка сомкнулась над ними, и почти сразу послышался грохот работающего грейфера: его ковши засыпали землёй люк.

Тамерлан огляделся в кромешной темноте. К сожалению, ориентироваться в ней он умел хуже многих, но стоявшую рядом Рию всё же разглядел: его зрение было куда острее, чем у обычного человека.

Он невольно подумал, что мог бы попросить Рию добраться до сведений, которые не удалось найти Кайли, и выяснить, кем был отец Даны. Заодно можно было бы проверить данные о его собственном происхождении.

Ещё месяц назад, тяжело переживая утрату Даны, Тамерлан решил разыскать человека, указанного в его личном деле как биологический отец. На встречу он отправился вместе с Кайли. Однако после визита она пришла к выводу, что родства между ними нет, хотя Тамерлан лично проверял документы: в его деле значился именно этот мужчина.

Рия уверенно двинулась вперёд. Тоннель оказался очень узким и уходил куда-то вниз. На глаз уклон был почти незаметен, но Тамерлан ощущал его: каждый следующий шаг давался ему легче предыдущего. Он отметил про себя, что для такого тоннеля всё-таки широковат — в отличие от миниатюрной Рии.

По пути они уже успели убедиться, что датчики движения встречаются и на потолке, а на стыках расположены тепловые сенсоры, мгновенно передающие на главный сервер данные о любых изменениях температуры.

При появлении двух мутантов датчики тем более должны были сработать хотя бы потому, что средняя температура их тел была на пять градусов выше, чем у обычного человека, а в помещении было заметно прохладно. Однако и на этот раз сигнал тревоги не прозвучал. Очевидно, Рия сумела перенастроить и их под себя.

Маленький шарик вернулся к ним и теперь испускал едва заметный луч, освещавший дорогу. Тамерлан не сомневался, что Рия сделала это исключительно ради него: сама она прекрасно ориентировалась в темноте.

Наконец впереди показалась металлическая преграда. По её форме и цвету Тамерлан догадался, что это дверь, ведущая дальше по коридору. Рия подняла ладонь, давая ему понять,

что нужно оставаться на месте. Тамерлан послушно замер, с любопытством наблюдая за спутницей.

Рия уверенно шагнула к двери и коснулась её. Раздался едва уловимый щелчок, почти неразличимый на фоне их собственных шагов. Однако Тамерлану он всё равно показался оглушительно громким.

Дверь перед ними отъехала в сторону. Следом одна за другой сдвинулись ещё две, открывая вид на гигантскую площадку. Вдоль её края дугой в несколько ярусов тянулись небольшие комнаты. Каждую закрывала массивная решётка под напряжением, за которой угадывались живые существа.

***

Рия всё-таки перестаралась настолько, что случайно убрала щиты между камерами заключённых. Хотя этих заключённых здесь вообще не должно было быть. Согласно плану, заблаговременно и до мелочей изученному ею, это место представляло собой сплошной железобетонный пласт. И ей, пожалуй, стоило бы ещё тогда спросить себя: зачем он вообще нужен?

Будучи техником, а не инженером-проектировщиком, Рия вполне резонно решила, что массивный блок служит укреплением или буфером, отделяющим опасных преступников от особо опасных. Ниже пятого уровня и впрямь располагался сектор для серийных убийц. Примечательно, что там содержались не только мутанты, но и обычные люди, ожидавшие исполнения приговора.

На деле всё оказалось куда сложнее. На пятом уровне, куда они с Тамерланом проникли через тайный ход, держали инопланетян, которые сами себя гордо именовали «пиратами».

Рия мысленно выругалась: такой подставы она не ожидала. Тепловизор не засёк пришельцев — температура их тел почти сливалась с фоном остывших стен. Ей едва удалось нырнуть в укрытие и втолкнуть туда спутника, прежде чем их заметили бы.

Никаких сверхсложных систем безопасности здесь не оказалось. Главной угрозой пиратов считалась их телепатическая связь, но, насколько знала Рия, на людей она не действовала. Без оружия чужаки оставались вполне уязвимыми.

Рия сверилась с показаниями коммуникатора. Системы жизнеобеспечения поддерживали идеальную для чужаков среду: ровный температурный фон, больше метана, чем в привычной атмосфере Таласса, и пониженный уровень кислорода. Воздух регулярно проходил жёсткую фильтрацию, чтобы оградить узников от местной микрофлоры, смертельно опасной для их организмов.

Оставался открытым вопрос: зачем их здесь вообще держали? Рии даже в голову не приходило, что, отправляясь за Стефаном, она наткнётся на пиратов.

Они с Тамерланом замерли в слепой зоне, скрытые от объективов камер и взглядов самих узников. Он терпеливо ждал, пока Рия лихорадочно соображала, как незаметно проскользнуть мимо полусотни пришельцев. Те томились в своих клетках: одни поодиночке, другие сбившись в группы двое-трое.

Рия глубоко вдохнула. Воздух с самого начала показался ей странным, однако её организм быстро адаптировался к изменениям среды. Благодаря этой особенности многие мутанты могли подолгу находиться на ближайших спутниках, выживая там без какого-либо вреда для здоровья.

— Какого чёрта? — не удержался Тамерлан, но произнёс это очень тихо.

— Я сама была не в курсе, — едва слышно ответила она.

Тамерлан осторожно выглянул из-за укрытия. В полумраке за решётками силуэты пришельцев почти сливались с тенями. Многие спали, вынужденные подчиняться человеческим биоритмам, но некоторые бодрствовали, тихо переговариваясь на своём языке.

— Я так понимаю, план отменяется? — вкрадчиво уточнил он.

Рия упрямо покачала головой.

Пираты обладали потрясающим обонянием, ничуть не уступавшим чутью людей-мутантов. Кто-то из узников уже настороженно подобрался и начал втягивать ноздрями воздух.

Рия поняла одно: когда защитные щиты на время отключились, заключённые успели связаться друг с другом телепатически.

Она коснулась металлической обшивки стены за спиной. Направив поток энергии по проводам, Рия вскоре обнаружила лазейку — вентиляционный узел и соединённую с ним техническую шахту. В узле воздух очищался, доводился до нужного состава и затем поступал в отсек с пиратами.

Имелась лишь одна загвоздка: чтобы добраться до шлюза, ей и её спутнику предстояло пройти мимо тюремных камер.

Конечно, можно было попытаться сделать это незаметно, но пираты наверняка подняли бы шум. Неважно, кого бы они увидели перед собой: диверсанта, охранника или другого заключённого: всех людей они ненавидели примерно одинаково.

На шум, скорее всего, отреагировали бы приборы слежения. Их ещё можно было перепрограммировать, заставив отправлять ложные отчёты, однако оставалась вероятность, что сами пираты сообщат тюремным охранникам о ночных визитёрах. Ни один из этих вариантов Рию не устраивал.

Она тяжело вздохнула и посмотрела на Тамерлана.

— Нам понадобятся щиты, — сказала она. — Такие, чтобы пираты нас не увидели и не унюхали. Сможешь организовать?

Тамерлан одобрительно кивнул.

***

У Рии буквально всё было написано на лице. Тамерлан понял, что место, в которое они попали, не входило в её планы. Сначала он уже было подумал, что придётся всё отменить и вернуться, но Рия предложила другой вариант, и Тамерлан согласился.

На самом деле он и сам не знал, удастся ли ему создать вокруг них такой щит, чтобы они и впрямь стали невидимыми.

— Учти, — сказала Рия, — как только мы окажемся внутри «пузыря», мои силы ослабнут. То есть управлять камерами слежения мне станет сложнее.

— А твой робот? — Тамерлан огляделся в поисках летающего шарика.

— Липом мне тоже будет сложнее управлять. Это возможно, но я бы не стала лишний раз рисковать.

Тамерлан кивнул. В принципе, ничего странного не происходило — насколько это вообще было возможно в сложившейся ситуации. Рия сразу предупредила, что ей может понадобиться помощь энергетика, иначе она откажется идти. Однако до сих пор она так хорошо справлялась без этой помощи, что Тамерлан уже успел расслабиться. Когда они шли по коридору, спускаясь в подземелье, он надеялся, что их опасное приключение до самого конца продолжится в том же темпе. Но не сложилось.

Тамерлан напрягся и окружил себя щитом, оставив его отчасти проницаемым, чтобы не прерывать разговор с Рией.

— Достаточно или уплотнить защиту? — спросил он.

Она обошла щит по кругу, оценивая его снаружи.

— Уплотни, — велела Рия.

Тамерлан прибавил мощности. Пока всё шло нормально, сил было предостаточно. Он и раньше тренировался создавать проницаемые барьеры для поддержания невидимости боевых

кораблей в зоне учебных сражений, но до сих пор ему не удавалось сформировать идеальный щит, который делал бы невидимыми тех, кто находился под его защитой.

Это вообще давалось очень немногим. Из тех, кто достиг подобного мастерства, Тамерлан лично знал лишь капитана Ламарк, адмирала Карстена да Фриду — энергетика шестого поколения, тесно общавшуюся с Кристианой. И всё.

Себя он пока не причислял к этому списку, хотя результат был почти идеальным. Именно это «почти» и раздражало его больше всего.

Однако ничто так не оттачивает мастерство, как настоящая чрезвычайная ситуация. Тамерлану удалось то, что ещё минуту назад казалось невозможным: «пузырь» вышел безупречным, не нарушавшим маскировки, — правда, такого напряжения в сухожилиях он не испытывал даже в настоящем бою с кхтарами.

Во всяком случае, по сияющему лицу Рии было ясно, насколько она довольна. Впрочем, ей-то что? Не ей вытаскивать лучшего друга из тюрьмы. Даже провались миссия, Рия всё равно получила бы половину оговорённой суммы за потраченные материалы — об этом условились заранее.

И всё же Тамерлан отчасти её понимал. Эта дурацкая привычка доводить всё до совершенства была ему знакома — не по себе, а по тому, кого они сейчас вызволяли.

Рия нырнула в пузырь, и по её уверенности было ясно: делает она это далеко не впервые. Новички, оказавшись внутри энергетического барьера, обычно пугались. А когда щит, повинуясь воле энергетика, взмывал в воздух, их страх часто перерастал в настоящую панику.

Лично Тамерлан с таким не сталкивался — разве что видел в новостях сюжеты о том, как энергетики подобным образом вызволяли людей из опасных ситуаций. Для эвакуации гражданских даже существовали особые нормы: щит следовало затемнять, чтобы он не оставался прозрачным и человек внутри не чувствовал себя выставленным напоказ, словно за стеклом.

Но сейчас перед Тамерланом стояла другая задача. Независимо от того, как отреагировала бы Рия, он должен был поддерживать щит идеально прозрачным изнутри и невидимым снаружи.

И у него вышло. Тамерлан сомкнул сферу вокруг них и поднял её в воздух. Никто из пиратов не шелохнулся. Подлетев ближе к камерам, он даже заглянул в некоторые, желая убедиться, что их и правда не заметили. За решётками спали пришельцы, кое-кто тихо переговаривался, но никто не смотрел в их сторону и ни о чём, судя по всему, не подозревал, их даже не учуяли.

Значит, Тамерлану удалось создать идеально невидимый щит. Что ж, отпразднует он позже. Пока они ещё даже не выбрались из этого чёртового подземелья.

Он закрепил купол под потолком, у самой шахты. Рия без промедления принялась открывать ведущую туда решётку. Со стороны это выглядело забавно: она поочерёдно прикладывала ноготь указательного пальца к креплениям и на мгновение замирала — и те одно за другим открывались с тихим щелчком. Тамерлан, возможно, и удивился бы, не выдели он сам денег на наногель, которым Рия сейчас вскрывала замки.

Сама по себе эта прозрачная субстанция была бесполезна — активировать её мог только техник. Наногель был их собственной разработкой: если боевые телепаты использовали защитную пудру, то технические специалисты полагались именно на этот состав. Он проникал в мельчайшие отверстия и заполнял полости внутри механизмов. Управляя им с помощью своих способностей, техник мог вскрыть практически любой замок.

Вот и сейчас Рия взломала все четыре замка и сняла решётку. Сразу за ней обнаружилась платформа с электронной панелью. Рия отключила её без промедления, не оставив ни единого следа. А дальше…

А дальше виднелся трап, уходящий в узкий лаз шахты. По нему, очевидно, и предстояло подниматься на пятый уровень. Вот только протиснуться туда мог далеко не каждый — разве что кто-то такой же невысокий и хрупкий, как Рия.

— Если нас поймают, посадят в эту же тюрьму, — нервно хихикнула она и, ухватившись за ближайшую перекладину, подтянулась и забралась на трап, а затем вопросительно глянула вниз, на Тамерлана.

Тамерлан не шелохнулся. Он с ужасом смотрел в узкое замкнутое пространство, где мог запросто застрять. Впервые с тех пор, как Тамерлан здесь оказался, он почувствовал, как сдавливает лёгкие и кружится голова.

— Да брось, — фыркнула Рия. — Только не говори, что боишься замкнутых пространств.

Встретившись с ней взглядом, Тамерлан смущённо отвёл глаза, подпрыгнул и ухватился за ближайшую перекладину трапа. На мгновение он замешкался и забыл, что должен поддерживать невидимость. Рия уже находилась внутри шахты, а вот половина его тела по-прежнему торчала наружу. Тамерлан быстро подтянулся. Оставалось лишь молиться, чтобы его никто не заметил.

И тут Рия сделала то, чего он никак не ожидал, хотя должен был. Она протиснулась между ним и перекладинами трапа, с лёгкостью перевернулась вниз головой и принялась аккуратно устанавливать решётку на место. Надо же: Тамерлану казалось, что даже ему одному здесь будет тесно, а в итоге они свободно уместились вдвоём.

— Придержи меня за ноги, — скомандовала она.

Всё происходило быстро, хотя Тамерлану казалось, что он провёл в этой шахте уже целую вечность. Пространство вокруг будто смыкалось, словно голодная пасть, готовая вот-вот его раздавить.

— Успокойся, — велела Рия.

Он даже не заметил, как она закончила с решёткой и опустила ноги. Теперь её лицо находилось прямо напротив него.

— Учти, когда ты нервничаешь, от тебя начинает резко пахнуть, — заметила она. — Нас могут учуять. Если не охрана, то другие заключённые. Или *эти*, — она ткнула пальцем вниз, туда, откуда они только что вылезли.

— Легко, блин, сказать, — отозвался Тамерлан.

Говорил он охотно. Ему казалось, что, пока они поддерживают разговор, пространство вокруг становится немного шире, словно пытается отодвинуться, спасаясь от шума их голосов.

Рия нервно хмыкнула, но больше ничего не сказала. Быстрыми и бесшумными движениями она полезла вверх и вскоре оказалась над ним.

Тамерлан тяжело вздохнул. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать за ней, хотя это, кажется, требовало от него куда больших усилий, чем решение ввязаться во всю эту авантюру.

***

Рия стёрла электронные следы взлома и, убедившись, что нигде не осталось наногеля, по которому её могли опознать, быстро вскарабкалась по трапу.

У его основания скрывалась ловушка: датчики реагировали на прикосновение к нижним перекладинам и выпускали отравленные иглы. Рия отключила их ещё до подъёма, но Тамерлану ничего не сказала — незачем было пугать его сильнее. Яд действовал прежде всего на организмы пиратов; для человека он был почти безвреден.

Технические ходы намеренно сделали узкими, чтобы пленные пираты не могли воспользоваться ими для побега. Тамерлан то и дело косился на сходившиеся над плечами стенки

шахты. Забавно, учитывая, что даже самый тщедушный из местных узников превосходил его по массе как минимум втрое.

С помощью своих способностей Рия обследовала стены. На пятом уровне она обнаружила лишь два прохода: гермодвери, через которые они сюда попали, и техническую шахту, по которой теперь поднимались.

Посылая через кончики пальцев слабые электрические импульсы, Рия «прощупала» скрытые в переборках коммуникации. От шахты отходило несколько ответвлений с выходами на четвёртый уровень. Рие требовался выход в безлюдный сектор, желательно у пожарной лестницы. Оттуда можно было быстро подняться на третий уровень — прямиком к камере того, ради кого они затеяли эту «увлекательную» вылазку.

Найти нужный маршрут оказалось несложно. Подключившись к кабелям внутренней сети, Рия перехватила изображение с камер наблюдения и оценила обстановку. Выход рядом с лестницей был бы идеальным, если бы не патруль. Пришлось искать другой маршрут — к счастью, шахта позволяла подобраться ближе к цели, не выходя в коридор.

Тамерлан, естественно, был не в восторге от этой затеи: техническая шахта постепенно сужалась, и на некоторых участках ему приходилось протискиваться с трудом.

Рия и сама нервничала, но старалась не подавать виду, чтобы не усиливать его страх. Когда она наконец обнаружила подходящий выход, то выдохнула с облегчением. Под конец даже ей стало не по себе от давящей тесноты, что уж говорить о Тамерлане. Он был на грани паники, хоть и отчаянно пытался это скрыть.

От Тамерлана исходил сильный запах. Это было опасно: другие мутанты могли учуять их и поднять тревогу. Какое наказание ждало бы Рию за то, что она согласилась провести его сюда? А самого Тамерлана? Что будет, если руководство узнает, что они пришли не просто навестить заключённого, а вытащить его из камеры — пусть даже временно?

— Щит, — напомнила она Тамерлану, разблокировав панель.

Она принялась взламывать замки решётки — механизм был точно таким же, как на пятом уровне. Тамерлан мгновенно закрыл их незримым барьером. Рия не видела по́лог, но остро его осязала. И почему-то эта защита показалась ей не спасением, а давящей завесой, отрезающей путь к свободе.

***

Голос звучал прямо в голове, но совершенно не походил на человеческий.

Стефан прислушался. Незнакомец, кем бы он ни был, обращался не к нему — и всё же Стефан его слышал. Это могло означать лишь одно: он случайно попал в чужую ментальную связку и, к счастью, остался незамеченным. Пока.

От этой мысли по спине пополз холодок. Он замер, вероятно, в слишком неестественной позе для человека, который якобы спит, скрывая от камер свои ментальные похождения. Столкнувшись с непонятной связью, Стефан словно позабыл об осторожности.

«***Эйа́ знать, ка́кова телепат ходить за́кова***?» — произнёс неизвестный на другом конце связи.

«***Ку́дри Камо́ра один при́ком***», — ответил ему другой.

Стефан резко подскочил. Он узнал этот язык, и встреча с его носителями ничего хорошего, по крайней мере людям, не сулила.

«Что за...?» — вырвалось у него.

И да, этим он выдал себя. Не нарочно, разумеется, — просто не сумел сдержать удивления.

«***Че́лядь?***» — воскликнул посторонний голос в его голове, на этот раз обращаясь непосредственно к Стефану. На их языке это означало удивлённое: «Человек?».

Стефан моментально отключился от чужого ментального канала. Этот язык он знал плохо, на нём разговаривали пираты. И почему он вообще решил, что в этой тюрьме могли быть заключены только люди?

Он потёр пульсирующие виски. Со лба скатилось несколько капель пота. Стефан сидел на кровати, сгорбившись и, кажется, едва сдерживая тошноту.

— Что, захотел воспользоваться своими способностями, мерзкий телепат? — раздался над головой голос из переговорного устройства.

Определённо в эту минуту за ним наблюдал охранник. Видел, как Стефану внезапно стало плохо, и, наверное, тихонько посмеивался. Как же это было унизительно.

Как и то, что утром этот самый охранник, скорее всего, доложит руководству о попытке Стефана воспользоваться своими способностями. А ведь Стефан обещал себе не создавать проблем, но почему-то наивно полагал, что справится. И справился бы, если бы не наткнулся на порождения чужого разума.

Хотя контакт был коротким, он доставил массу неприятных ощущений. Человеческий разум был привычен Стефану — даже самый запутанный. Даже соприкосновение с энергетиком причиняло меньше дискомфорта. А вот чужое сознание пиратов, как выяснилось, оказалось по-настоящему болезненным.

Стефан отметил, что уже пришёл в себя. Самочувствие быстро возвращалось в норму, а значит, нужно было лишь потренироваться, и можно было попробовать войти в контакт ещё раз.

Стефан закрыл глаза.

— Можешь не пытаться, мерзкий телепат, — донеслось из динамиков.

Стефан нащупал его сознание. Охранник находился на втором этаже, сидел перед мониторами и следил исключительно за ним.

Стефан незаметно проник в его разум. Охранника звали Джоди, и он был уверен, что заключённый пытается пробиться сквозь энергетические переплетения щитов, не позволявших телепатам проникать в чужое сознание. Однако Джоди и не подозревал, что Стефан уже копается в его голове и что мимолётная мысль перевести взгляд на других заключённых возникла у него вовсе не сама по себе.

Глазами охранника Стефан осмотрел мониторы. На одном из экранов он заметил подозрительную активность заключённого из соседней камеры: мужчина стоял у самой решётки и настороженно принюхивался к воздуху.

Некоторые мутанты помимо особых способностей обладали ещё и необычайно развитыми органами чувств. Не исключено, что сосед Стефана что-то учуял. Впрочем, пока на это можно было не обращать внимания. Сейчас Стефану было куда важнее выяснить, действительно ли пираты, чьи мысли он уловил, находились среди заключённых, или же они решили вторгнуться на территорию людей. И если так, то зачем?

Пиратов он нашёл. Они содержались на пятом подземном уровне. Их камеры располагались вдоль закрученного спиралью помоста и отделялись друг от друга толстыми железобетонными перегородками. В каждой камере сидело по одному пирату. Энергетических барьеров между ними, по-видимому, не было, так что ничто не препятствовало их ментальной связи.

Впрочем, связь была слабой и распространялась лишь на представителей их вида. Сами пираты не могли вступать в контакт с людьми, зато некоторые люди могли связываться с ними. Всё это не имело бы особого значения, если бы между камерами внезапно не вспыхнули энергетические перегородки. Выходило, что защитные щиты всё-таки работали. Но почему тогда до этого они были отключены? Странно выглядели и помехи, время от времени возникавшие на записях с камер наблюдения.

Возможно, причина крылась в технической неисправности. Сам Стефан в этом не разбирался — да ему это было и ни к чему. Он лишь оставил в сознании Джоди ментальный след, который должен был заставить того обратить внимание на подозрительную активность пиратов.

И Джоди обратил — немедленно запустил протоколы проверки, которые ничего подозрительного не выявили. Зато нечто необычное обнаружил сосед Стефана: он попытался связаться с ним телепатически, но не сумел пробиться сквозь энергетический щит.

Стефан уловил едва заметный всплеск чужой человеческой мысли. Она словно стучалась в его сознание, умоляя впустить её. Глазами Джоди Стефан взглянул на соседнюю камеру: тот самый мужчина, который всего минуту назад принюхивался к воздуху, теперь сидел на кровати, обхватив голову руками.

Стефан переключил внимание Джоди на пятый уровень, где содержались пираты, а сам тем временем проник в сознание соседа.

«Ты хотел меня слышать?» — вежливо поинтересовался Стефан.

В ответ на него об

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.